

ПОСЛЕ войны, когда в стране был голод, в кино показывали красивых женщин. Они красиво ходили, красиво смотрели, говорили красивые слова (их писали внизу титрами) - и были в перьях, которые ее, Люсю Гурченко, потрясли. Через много лет она выяснила: такие перья называются "боа"...

- Людмила Марковна, говорят, у вас действительно несносный характер?

- Пусть говорят... Он трудный - для меня самой. А вообще, замечательный у меня характер. Только я злопамятная. Это плохо, но так научила меня жизнь: абсолютно все помню и ничего с собой сделать не могу. Я помню, как меня унижали, уничтожали, а теперь улыбаются... Ну и я тоже улыбаюсь. Только не могу человеку в глаза смотреть, если вижу, что он врет.

- Если верить утверждению, что друзья познаются в беде, то у вас, после всех ваших бед, уже никаких иллюзий остаться не должно, кто вам друг, а кто - враг...

- Прежде всего у меня не осталось иллюзии, что друзья познаются в беде. Друзья в радости познаются. Когда все у тебя хорошо. Потому что, когда плохо - это очень нравится, приходят, сочувствуют: "А, и ты тоже в...? Не переживай, выползешь..." Ну выползешь - и ждешь, кто же придет и с тобой порадует?.. И ничего. Вы знаете, я тут недавно чуть не умерла... Были в Риге на гастролях, играли "Поле битвы" - как оказалось потом, я в смертельном состоянии тот спектакль отыграла, на каком-то автопилоте, утром поставили диагноз: отек легких, полное отсутствие лейкоцитов в крови, белая кровь совсем. В девяносто процентах таких случаев исход бывает летальным. Теперь ясно: я попала в другие десять процентов. Но те полтора месяца в реанимации... И все полтора месяца люди звонили, писали: "Выздоровливайте, не умирайте, выживайте, вы нам так нужны!" Выжила, вернулась, думаю: "Спасибо всем сейчас скажу!" - и почти ни одного звонка. Как ни грустно говорить это...

- Говорят, что люди, прошедшие такое предсмертное состояние, живут уже по-другому... Это правда?

- Да, наверное... Во всяком случае, теперь я уже не боюсь умирать, я уже знаю, что это такое. А вообще мне же трудно про себя сказать: "Вот, я изменилась!" Это другие могут заметить, близкие. Но кажется, я стала... терпимее. Может быть, потому, что после такого лишних сил нет, чтобы их на ерунду тратить. Понимаешь, что это бессмысленно - за ерунду воевать. Зачем?.. Лучше уступлю, и мне будет лучше. Раньше мне нужно было, чтобы все было по-моему. Немытая посуда приводила меня в отчаяние. Все брошу, но вымою! А теперь - да пусть она хоть пять дней стоит, если никогда! Нет в этом никакой трагедии... И в том, что кто-то обещал позвонить, что-то сделать и не сделал, трагедии нет. Ну не позвонил, забыл - завтра позвонит, люди разные все.

- Вас сильно ранит критика?

- Меня унижает злобная критика. Рецензия может быть невероятно критическая, но - совершенно не унижающая. А может быть... И еще удивительно, когда критик пишет: "Мы". Не "я думаю", а - "мы считаем"! "Мы" можно написать, когда к концу спектакля осталась треть зала. А когда многим явно нравится - как можно писать

"мы"?! Мне не хватает умной критики. Я так жду уважительного разбора! Чтобы можно было сказать себе: "Ага!.. Стоп!.. Как правильно, как правильно!.." Но разбора, а не ругани. Знаете, как один критик недавно высказался по поводу спектакля "Недосягаемая"? "Кричащие туалеты Людмилы Гурченко"!.. А они кричат там, где надо, где необходимо кричать. Полтора акта я вообще в одном и том же платье, потому что мне - то есть ей, моей героине, - не до платьев! И только когда она понимает, что ей вынесен приговор: "женщина средних лет" и на ней не женятся, и ее предадут, - вот тут-то начинаются метания и появляется странный наряд... Там по-женски все очень правильно, нужно про-

тывать, забываться, подхрамывать... На втором курсе ВГИКа, на занятиях по пантомиме, играла старую графиню из "Пиковой дамы" - и это была моя лучшая роль! Вообще страшно одно: быть смешной. Вот когда я это почувствую... Тогда - ха-ха.

- Как вы это почувствуете?

- Ну, как почувствую... Если молодежь перестанет на меня ходить, тогда... Вообще это поразительно, но юные, новые девочки ходят, смотрят за мной. Недавно я в ночном клубе выступала - это такое удовольствие!.. Они знают все мои песни, орут вместе со мной!.. А я думаю -

так меня любил... Меня так никто не любил.

- Он, собственно, и взлелеял звезду...

- "Богинька моя!.. Клюкувка!.. Женихи - в очередь!.. Женихов до Киева раком не переставишь!.." Это все он, папа. Он мне все время говорил: "Ну-ка, давай, вжарь, як следует быть!.. Дуй свое!.." И я "вжарю" и "дую"... И только для него. Для него я была готова... расшибиться. И еще долго после того, как он умер, не понимала, что он умер.

И все для него... "Папочка!.. Это я, гордость твоя! Чтобы ты знал..." А его уже давно не было...

Примадонна

ла: ведь мы так же ходили на Вертинского... и сходили с ума: что же в нем такое есть, чего мы не понимаем?.. Он одним движением рук, вот своими большими, узловатыми руками рисовал драму этой маленькой балерины: так, так, так... Теперь я пою, девочки смотрят...

- Можно научиться быть современным?

- Никогда. Я вам скажу: ну стань современным!.. Ну стань!.. Этому нельзя научиться, как таланту нельзя научиться... Я преклоняюсь перед талантливыми людьми. Знаете, как "Недосягаемая" рождалась? Леня Трушкин собрал труппу из разных театров и за месяц выпустил спектакль! А другой так не может. Другой скажет: "Как это так?! Он сделал, а я - нет?! Но я ведь тоже хотел!.." Но талант - это то, что ты сделал, а не то, что ты хотел. И талант обязательно найдет себе дорогу. Тут заткнут - он там вылезет, там убьют - тут воскреснет. Напишет, нарисует, сыграет, поставит и станцует!

- Это личный опыт?

- А чей же!.. Я знаю, что такое "Ах!"... И что такое "Ух!". Все мои амбиции были уничтожены в прессе 20 лет назад. Вы можете себе представить, что это было, когда тебя в "Комсомолке" назвали одним словом: "Эта"!.. И город мой любимый, Харьков, стал мне письма писать: "Вы нас опозорили!.. Будьте вы неладны, не появляйтесь на пороге, выскочка!.." С тех пор я никогда не езжу в Харьков. Знаю, что Клочковскую улицу снесли, а дом, где я родилась, все еще стоит...

- А что стало с вашей подругой, которая там как-то в канализацию свалилась, когда вы от вашего папы спасались бегством?

- Мила?.. Она в Чикаго... Кстати, в том же Чикаго, недавно, на гастролях, после концерта, смотрю - идет ко мне дядечка лысенький и ручкой мне делает. Ну как к

сто себе представлять, что это такое - оказаться "женщиной средних лет" и остаться "Недосягаемой"!.. Почему недосягаемая?.. Не потому же, что она под куполом цирка или еще где-то там, так, что ее потрогать нельзя! Она живет по-другому, и поэтому для других недосягаема!.. В этом смысле и бумфетица из "Вокзала для двоих" - другая, не такая, как все, недосягаемая для всех, и любимая женщина механика Гаврилова недосягаемая для своей подружки...

- Вам не кажется, что, играя все время таких "недосягаемых", вы неизбежно повторяете себя саму, что вы можете что-то еще?

- Возможно... Но несмотря на то, что каждая роль это вызов: "Не повториться!", все равно никогда не сыграешь глубоко и точно, если не повторишь того, что нашел раньше. Это очень все сложно. В том же "Поле битвы", там в трех актах - три разных человека, три разные женщины, которых сыграть нужно мне одной!.. А где их найти?.. Только в себе же самой и найти. Но, возможно, вы правы. Возможно, я ничего не знаю... что я еще могу.

- Скажите, что такое - "оказаться женщиной средних лет"?

- О, это сложно... Но я это уже пережила. Мне сейчас ничего не остается, как только кокетничать со своим возрастом: "Вы так давно меня знаете, а я все еще жива!"

- Ну, Людмила Марковна, сейчас же вы тоже кокетничаете?

- А как же! Что мне, всем говорить: "Здравствуйте, вы знаете, я знаю, что я - стареющая женщина!"... А мне все будут говорить: "Ну что вы, Людмила Марковна, какая вы стареющая женщина?!" и про себя думать: "Нет, ну как же хорошо и верно она про себя сказала!"... Я ж все понимаю. Да, я тот же размер ношу, и килограммы те же, но я отлично знаю, что мне не семнадцать!..

- Не завидуете тем, кто моложе?

- Вообще никому не завидую. Раньше завидовала хорошим волосам. Теперь приспособилась... К тому же я очень хитрая актриса: я уже в 30 лет играла старух. Мне нравилось пришепе-

«Талант - это то, что ты сделал, а не то, что ты хотел».

бы "привет, Люся!" Я ничего не понимаю. А он мне шепотом: "Только не говорите, я вас умоляю!.. Я тут сказал, что мы с вами в одной школе учились!.. Я вас очень прошу!.." И тут подваливает вся компания, такой весь наш Харьков, и ждет. Он говорит: "Люся, здравствуй!.." Ну и я говорю: "Ой, здравствуй!.." И все оттаяли. После этого он подходит: "Что хотите... Вы меня спасли..." А я: "Ну что вы, Мишенька!.." Ой, Боже, в общем, сыграла все как надо... А ведь я училась в отдельной школе, в женской. Потому и удирала с Милой от папы, что он нас с мальчиком увидел... Папа

- А потом - для кого? Для себя? Для дочери?..

- Нет... нет... Даже не знаю, не думала об этом... Наверное, чтобы доказать, что я не умерла, что я выбралась...

- Вы будете писать продолжение своих "Аплодисментов"?

- Знаете, сегодня ночью мне приснилось... Сюжет приснился, что вот я опять лежу в больнице... У меня там все передумалось, в больнице, когда я знала, что умираю, все выпукло так проходило, во время этих внезапных всплеск сознания, виделся какой-то определенный отрезок жизни, и вывод из него - и опять уход... Это полтора месяца длилось, и сегодня я снова увидела во сне. Мне приснилась моя смерть. Замечательно приснилась. Такое солнце, солнце невероятное... И моя кровать, вынесенная почему-то на Манежную площадь и угол Герцена... Ни одной машины, никого... Но так реально!.. И мне плохо... Я умираю, понимаете?.. И идет в развешивающемся халате такая простая беленькая медсестра. Я говорю: "Как вас зовут?" Она: "Лариса". - "Лариса, идите быстрее, я же умираю!". Она: "Ничего-ничего!.." Но я же умираю, а она идет так медленно... И я проснулась. Думаю: "Да... Это интересно. Это же так и можно написать: лежу в больнице, вспоминаю жизнь, разговариваю... и светит солнце".

Яна ЗУБЦОВА,
Николай ГУСЕВ

Аргументы и факты № 20 - с. 3